

*Посвящается Улле.
С пожеланием всяческого счастья*

Промысел омаров стал нынче совсем не тот. Раньше это был серьезный труд, которым рыбаки зарабатывали на жизнь, а теперь ловлей омаров балуются отдыхающие, приехавшие на недельку, которым никакие правила не писаны.

Чего только не навидался старый рыбак на своем веку! Как щеточкой незаметно удаляют икринки с самок, чтобы скрыть нарушения, как вытаскивают чужие тони, как ныряльщики прямо под водой выбирают из сетей чужой улов. Глядя на все, что творится, он только дивился, до чего люди могут пойти. Неужто народ последнюю совесть потерял! Однажды, правда, он вытянул тоню с бутылкой коньяку: оставил, значит, кто-то вместо вынутых омаров — а поди узнай теперь, сколько их там было! Ну хоть один воришка нашелся если не с совестью, то как минимум с чувством юмора.

Так вздыхал Франс Бенгтссон, проверяя свои ловушки. Обнаружив в первой же двух отличных омаров, он немного повеселел: и на этот раз не промахнулся, потому что знает хорошие места, где из года в год бывает приличный улов.

Затем он вытащил еще три ловушки, и в лодке набралась порядочная горка дорогостоящей живности. Рыбак не мог понять, отчего за омаров дают такую высокую цену. Он и сам ими не брезговал, но если уж выбирать, то предпочел бы на обед селедку — она и вкуснее, и дешевле. Однако выручка за омаров давала в это время года неплохую прибавку к пенсии.

Последняя тоня отчего-то застряла и никак не хотела вытаскиваться. Рыбак хорошенько уперся ногой в планшир, чтобы дернуть посильнее, и наконец почувствовал, как тоня сдвинулась с места. «Только бы веревка не порвалась», — подумал Франс и перегнулся через борт посмотреть, что там такое. Однако вместо сетки из взбаламученной воды вынырнула белая человеческая рука, словно взлетая к небу.

Первой реакцией рыбака было бросить веревку, чтобы то, что плавало под водой, поскорее скрылось в глубине вместе с ловушкой для омаров. Но затем победил жизненный опыт, и старый Бенгтссон снова потянул за веревку. Силенок, слава богу, у него осталось достаточно, и сейчас они очень пригодились — для того чтобы поднять жуткую находку на борт, ему пришлось напрячься что есть мочи. Лишь когда бледное, безжизненное тело с глухим стуком свалилось на дно шлюпки, старик потерял самообладание. Ведь ему пришлось тащить из воды ребенка, девочку, и в это время перед глазами у него стояло детское личико с посиневшими губками, облепленное длинными прядями волос, и голубые глаза, незрячим взором уставившиеся в небо.

Франс Бенгтссон перегнулся через планшир, его вырвало в воду.

Патрику казалось, что никогда он еще так не уставал, как сегодня. Последние два месяца перечеркнули все былые иллюзии насчет того, что новорожденные младенцы много спят. Он провел руками по короткой стриженной каштановой шевелюре, но только еще больше растрепал спутанные со сна волосы. А уж если он так устал, то что и говорить об Эрике! Невозможно даже представить себе, каково приходится ей. Он-то, по крайней мере, свободен от частых ночных кормлений. Состояние Эрики его вообще очень тревожило. Со времени возвращения из родильного дома он ни разу не видел ее улыбающейся, и под глазами у нее образовались огромные черные круги. По утрам он с тяжелым

сердцем уходил на работу, провожаемый отчаянным взглядом Эрики, и оставлял ее наедине с Майей, хотя, если говорить начистоту, испытывал облегчение, возвращаясь в знакомый мир взрослых людей. Патрик любил Майю больше всего на свете, но появление в доме ребенка оказалось чем-то вроде вступления на чужую и неизведанную территорию, где за каждым углом подстерегают новые источники стресса. Почему это она не спит? Почему кричит? Может быть, ей жарко? А может, холодно? Что это у нее там за красные пятнышки? Взрослые скандалисты были, по крайней мере, чем-то знакомым, с ними он знал, как себя вести.

Уставясь пустыми глазами в бумаги, которые лежали перед ним на столе, Патрик пытался хоть немножко очистить мозги от опутавшей их паутины, чтобы приняться наконец за работу. Телефонный звонок заставил его вздрогнуть от неожиданности, и только после третьего он снял трубку.

— Патрик Хедстрём.

Десять минут спустя он схватил висевшую у двери куртку и, одеваясь на ходу, забежал в кабинет Мартина Мулина:

— Мартин, рыбак вышел в море проверить ловушки для омаров и выловил труп.

— Это где же? — растерянно переспросил Мартин.

Ужасная новость как гром среди ясного неба поразила полицейский участок Танумсхеде, где по случаю понедельника народ еще толком не успел раскачаться.

— У Фьельбаки. Он причалил к пристани у площади Ингрид Бергман. Надо выезжать. «Скорая» уже в пути.

Мартину не требовалось повторять дважды: он тоже надел куртку, потому что стоял ненастный октябрьский день, и вслед за Патриком направился к автомобилю. Машина ехала быстро, и Мартин хватался за потолочный ремень, когда на крутых поворотах ее заносило на обочину.

— Это несчастный случай? — спросил он.

— Откуда мне знать? — буркнул Патрик, но тотчас же устыдился своего раздраженного тона. — Прости, это от недосыпа.

— Ничего. — Вспомнив, как скверно выглядел его товарищ в последние недели, Мартин с готовностью простил ему резкость.

— Мы пока знаем только то, что ее выловили час назад и, по словам рыбака, она, вероятно, пробыла в воде недолго. Ну да скоро и сами увидим, — добавил Патрик, направляясь мимо Галербакен к пристани, возле которой была причалена деревянная шлюпка.

— Она?

— Да. Это девочка, еще маленькая.

— Вот черт! — ругнулся Мартин, пожалев, что не послушался внутреннего голоса, который соблазнял его не ходить на службу, а остаться дома в постели с Пией.

Поставив машину возле кафе «Пристань», они быстрым шагом двинулись к лодке. Как ни странно, никто еще не пронюхал о случившемся, и полицейским не пришлось разгонять любопытных.

— Она там, в шлюпке, — сказал старик, встретивший их на причале. — Я оставил ее, как лежала, чтобы лишний раз не трогать.

Бледный вид старика был хорошо понятен Патрику: тот же оттенок он не раз наблюдал на собственном лице после того, как приходилось иметь дело с мертвецами.

— В каком месте вы ее выловили? — спросил Патрик, стараясь хоть на несколько секунд оттянуть встречу с покойницей. Еще не видя ее, он уже чувствовал в желудке предательские позывы.

— Около Порсхольма, с южной стороны. Вытянул вместе с пятой ловушкой, она запуталась в веревке. Иначе мы бы еще не скоро ее увидели. А может, и вовсе бы никогда не нашли, если бы течение унесло ее в море.

Слушая старика, Патрик не удивлялся хорошей осведомленности того во всем, что касается утопленников. Все старожилы знали, что тело сначала погружается в глубину, затем постепенно всплывает на поверхность под влиянием накапливающихся газов, а спустя еще некоторое время

окончательно опускается на дно. В прежние годы для рыбака всегда существовал значительный риск утонуть, Франс наверняка и сам переживал такие моменты и участвовал в поисках своих менее удачливых товарищей.

Как бы в подтверждение этих мыслей рыбак сказал:

— Она, похоже, недолго пробыла в воде, тело еще не начало всплывать.

Патрик кивнул:

— Ты говорил это по телефону. Ну давай, что ли, посмотрим сами.

Медленно, очень медленно Мартин и Патрик двинулись к другому концу причала, где была пришвартована лодка, и только подойдя к самому краю мостков, они смогли, заглянув за планшир, рассмотреть то, что лежало в ней на дне. Вытащенная на борт, утопленница упала лицом вниз, и полицейские увидели только распущенные мокрые волосы.

— Вон едет «скорая», пускай они ее и переворачивают.

Мартин ответил кивком. Его веснушки проступили ярче обычного, а рыжеватые волосы казались огненными по сравнению с разлившейся по лицу бледностью, и видно было, что ему с трудом удастся побороть подступающую дурноту.

Серое небо и набирающий силу ветер усугубляли мрачное настроение. Патрик помахал рукой двум санитарам, которые не торопясь достали из машины носилки и понесли их к шлюпке.

— Несчастный случай, что ли? — Первый санитар вопросительно мотнул головой в сторону мостков.

— Похоже, что так, — подтвердил Патрик. — Посмотрим, что покажет вскрытие. Во всяком случае, помочь ей вы уж ничем не сможете, осталось только забрать и увезти.

— Да мы уже слышали, — кивнул санитар. — Ну, займемся, что ли, делом и положим ее на носилки.

Патрик не возражал. Он всегда считал, что на его службе самое тяжелое — это столкнуться с пострадавшим от несчастного случая ребенком, но с тех пор как у него роди-

лась Майя, это ощущение усилилось во сто крат. При мысли о предстоящей задаче у него больно сжималось сердце. Как только личность девочки будет установлена, ему придется разбить жизнь ее родителей.

Санитары спрыгнули в лодку и стали готовиться поднять девочку на пристань. Один из них осторожно начал переворачивать тело на спину. Мокрые волосы рассыпались веером, открыв бледное личико с распахнутыми глазами, невидящий взгляд был устремлен в вышину, на бегущие по небу тучи.

В первый миг Патрик отвернулся, но затем нехотя взглянул на девочку, и тотчас словно ледяная рука стиснула его сердце.

— Не может быть! Как же так, черт возьми!

Мартин растерянно перевел на него взгляд. И тут его осенило:

— Ты ее знаешь?

Патрик только молча кивнул.

Стрёмстад, 1923 год

Она никогда не посмела бы произнести это вслух, но про себя думала: ей очень повезло в том, что мать умерла сразу после ее рождения. Благодаря этому Агнес ни с кем не приходилось делить отца, а из того, что она слышала о своей матери, можно было понять: та не стала бы спокойно смотреть, как она вьет из отца веревки. Зато уж папенька ни в чем не мог отказать осиротевшей дочке. Агнес отлично знала об этом и всюю пользовалась отцовской слабостью. Некоторые родственники и друзья из лучших побуждений пробовали обратить на это его внимание, но все слабые попытки Августа Шернквиста сказать «нет» своей любимице кончались для него поражением: он не мог устоять перед этим хорошеньким личиком и огромными глазами, на которых чуть что наворачивались слезы и затем градом катились по щекам. Тогда его сердце размягчалось, и дочь, как правило, добивалась своего.

В результате она к девятнадцати годам превратилась в беспримерно избалованную девушку, и многие из подружек, сменившихся у нее на протяжении этих лет, наверное, не побоялись бы сказать, что Агнес отличается скверным характером. Разумеется, так в основном говорили девушки. Мальчики же, как обнаружила Агнес, обыкновенно не замечали ничего, кроме хорошенького личика, больших глаз и длинных густых волос, то есть того же, что заставляло папеньку дарить ей все, чего бы она ни попросила.

Их вилла, одна из самых роскошных в Стрёмстаде, стояла высоко на горе, так что из окон открывался красивый вид на море. Вилла была оплачена отчасти из состояния, которое досталось в наследство матери Агнес, отчасти из доходов от каменоломен отца. Однажды он едва не лишился всего состояния во время забастовки 1914 года, когда каменотесы дружно выступили против владельцев крупных компаний. Однако порядок был восстановлен, а после войны начался новый экономический подъем, и горнодобывающая промышленность в Крокстранде под Стрёмстадом тоже заработала на полную мощность, поставляя камень главным образом во Францию.

Агнес не волновало, откуда у отца берутся деньги. Она родилась в состоятельной семье, привыкла жить в достатке, и для нее было совершенно неважно, заработано ли это богатство или досталось по наследству, лишь бы его хватало на покупку множества красивых нарядов. Не все вокруг разделяли ее взгляды. Родители матери пришли в негодование от выбора дочери: ведь богатство ее мужа было приобретено недавно и сам он вышел из бедной семьи — его родственники не из тех, кого можно пригласить на светский прием, их приходилось звать в гости отдельно, когда члены семьи собирались попросту, без посторонних. Эти несчастные не знали, как полагается вести себя в аристократическом салоне, и в разговоре с ними ни о каких возвышенных предметах и поинать не стоило. Матушкины родители совершенно не понимали, что такого нашла их дочь в Августе Шернквисте, который на самом деле от рождения звался Перссоном. Его попытка подняться по общественной лестнице путем смены фамилии бабушку и дедушку не обманула. Но внучку они все же полюбили и, потеряв дочь, стали наперебой с отцом баловать ее ребенка.

— Солнышко, я еду в контору.

Агнес обернулась к вошедшему в комнату отцу. Перед его приходом она упражнялась на рояле, сидя лицом к окну; она делала это главным образом потому, что знала, как

хорошо выглядит за инструментом. Особой музыкальностью девушка не отличалась; несмотря на дорогие уроки игры на фортепиано, которые ей давались с детства, она научилась только более или менее сносно играть по нотам, раскрытым перед ней на подставке.

— Ты не забыл, папочка, о том платье, про которое я тебе на днях рассказывала? — Она посмотрела на отца умоляющими глазами и увидела, что он, как всегда, разрывается между желанием сказать «нет» и своей неспособностью это сделать.

— Деточка, я же совсем недавно купил тебе платье в Осло...

— Но ведь оно же на подкладке, папочка. Неужели ты хочешь, чтобы я в такую жару пошла в субботу на праздник в теплом платье?

Она обиженно насупилась и стала ждать его реакции. Если он против ожидания все равно будет упираться, нужно взглянуть на него с дрожащими губами, а если и это не поможет, придется прибегнуть к слезам. Но сегодня у отца усталый вид, так что вряд ли потребуется много лишних усилий. Как обычно, она взяла верх.

— Ладно, ладно, сбегай завтра в магазин готовой одежды и закажи себе это платье. Прибавишь ты старому папке седых волос! — сказал он, качая головой, но не удержался от улыбки, когда дочь бросилась к нему с поцелуями.

— Ну, будет, будет уж! Садись и поиграй хорошенько гаммы. А то вдруг в субботу тебя попросят что-нибудь сыграть, так что не мешает на всякий случай как следует подготовиться.

Довольная Агнес снова села за рояль и послушно принялась упражняться. Она так и видела, как это будет: все взоры обращены на нее, а она, озаренная трепещущим пламенем свечей, сидит за роялем в новом красном платье.